

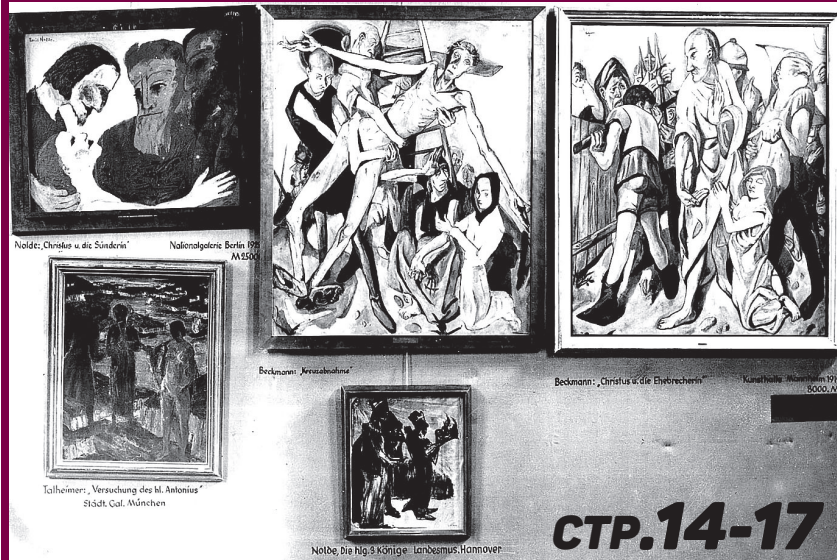
Price in NYC 50¢, outside of NYC \$1

РУБЦОВЫ

СТР.20

ПОДПОЛЬНЫЙ КОЛЛЕКЦИОНЕР

СТР.14-17

СОБЫТИЯ. МНЕНИЯ. ИСТОРИИ.

№19 (204)
МАЙ 2024

Бульварные новости

ГЛЫБА МРАКА

СТР.8-11

АЛЕКСЕЙ СМИРНОВ, КИНО, ОДЕССА...

СТР.4-7

ГЛЫБА МРАКА

Геннадий Норд

Он вскоре совсем не мог ни есть, ни спать - ему мешали то гудки автомобилей, то несущийся по рельсам трамвай за окном, то капающий кран в ванной. Сердце все чаще ныло, болело, срывалось с ритма, выдавало внеочередной удар, и он уже давно научился прислушиваться к нему.

Странно, он всегда считал себя здоровым и полным сил, но эта болезнь прицепилась к нему во время Первой мировой.

Прапорщик Михаил Зоценко добровольцем ушел на фронт в 1914 году, окончив ускоренный курс Павловского военного училища.

Трусом он никогда не был. Зоценко был награжден пятью орденами, несколько раз был ранен, дослужился до штабс-капитана.

В июле 1916 года Михаил во время газовой атаки немцев, отдал приказ:

- Газы! Всем надеть маски!

А сам натянул противогаз последним и надышался отравой.

Долгая дорога до госпиталя была усеяна десятками тел мертвых людей и птиц. Добравшись, обессиленный Михаил попросил у сестры милосердия спирта, пригубил и тут же отключился. Доктор тогда строго поглядел ему в глаза и сказал:

- С вашим сердцем теперь нельзя пить ни капли.

- Но, доктор, у меня никогда не болело сердце!

- Теперь будет болеть.

После лечения он был признан больным первой категории, но отказался от службы в запасном полку и вернулся на фронт в свой полк.

Демобилизовался Зоценко только тогда, когда с ним случился первый серьезный сердечный приступ.

После демобилизации он женился. Зоценко скучно и буднично написал об этом событии в своем дневнике:

«На тележке маленький письменный стол, два кресла, ковер и этажерка. Я везу эти вещи на новую квартиру. В моей жизни перемена. Одна женщина, которая меня любила, сказала мне:

- Ваша мать умерла. Переезжайте ко мне.

Я пошел в загс с этой женщиной. Теперь она моя жена. Я везу вещи на ее квартиру, на Петроградскую сторону».

Той самой женщиной оказалась Вера Кербиц-Кербицкая, дочь полковника царской армии, милая, жизнерадостная, изящная красавица с каштановыми кудрями, уже успевшая побывать замужем за Виталием Мартанусом, будущим польским и советским генералом.

Вера получила хорошее образование: окончила Петровскую гимназию с медалью и двухгодичные Педагогические курсы.

Их брак с Мартанусом был заключен по настоянию родителей Веры. По свидетельствам самой Кербиц, она не испытывала никаких чувств к Виталию и «до смерти была рада, что его забрали на фронт».

В 1917 году Вера встретила Зоценко. Знакомство было беззаботным, многообещающим и веселым - компания общих друзей пригласила обоих покататься на лодке. Михаил, приехавший в отпуск, щеголял в военной форме, так удивительно шедшей ему.

Вскоре влюбившаяся Вера развелась с мужем.

Душным августовским вечером на свидании Вера спросила Михаила:

- Что вам подарить на день рождения?

И в ответ услышала то, что заставило ее щеки вспыхнуть:

- Подарите мне себя!

Его эффектная внешность, военная выправка и карие глаза приводили к тому, что практически каждая дама провожала его заинтересованным взглядом. Вере это очень льстило. Знай Верочка, чем обернется для нее все это, еще вопрос,

пошла бы она на то свидание или нет.

Но с этой минуты ее судьба навсегда будет связана с его судьбой.

Вот восторженные воспоминания одной из знаменитых его поклонниц Носкович-Лекаренко, молодой художницы:

«Красивое смуглое лицо, темные глаза с поволокой... Невысокий и очень изящный человек. Все в нем вызывало во мне чувство уважения и восхищения. Он был всегда хорошо одет. В его одежде не было вызывающего щегольства, ничего

Михаил Зоценко в чине прапорщика. 1915 г.

не выглядело с иголки, даже галстук, но все было очень хорошо сшито и прекрасно смотрелось».

Бракосочетание Михаила и Веры состоялось через три года после знакомства. И жениху, и невесте было по 26 лет.

Когда Зоценко стали печатать, и деньги потекли рекой, их квартира на Петроградской вместила и огромную кровать в стиле Людовика XIV, и мецанскую пальму, и фарфоровые статуэтки, и столовые сервизы, и картины в золоченых рамах. Вера купала все это, считая, что создает уют в доме, а его страшно раздражала ее страсть к аляповатой роскоши.

Вера еще в ранней молодости отмечала:

- Хочу роскоши, довольства, а в роскоши, в богатстве так много красоты, так много поэзии, наслаждения!».

Зоценко это все претило, и у него все чаще случались приступы хандры, он желчно кричал на бедную Верочку и та недоуменно хлопала своими длинными ресницами. Михаил то уходил, то возвращался, и тогда устраивал жене сцены:

- Мне тяжело общаться с тобой, ты невыносима. Я делаю больным после общения с тобой!

Вера вспыхнула:

- Тогда зачем ты приходишь?

Михаил Михайлович усталился на нее:

- То есть как зачем? Во-первых, я должен иметь нормальный обед, во-вторых, я требую минимальной заботы о моих вещах и помощи в перепечатке.

А однажды он в пылу ссоры прокричал:

- Ты надоела мне, старая баба!

Вера усмехнулась: «старой бабе» не было и тридцати лет. Она встала из-за стола, за которым печатала рукописи мужа на стареньком ундервуде, взяла сына - двухлетнего Валерика на руки и молча закрыла перед Зоценко дверь.

Пришлось Зоценко делать отдельную дверь, фактически разделяющую их квартиру на две самостоятельные, и пришлось даже покупать электрическую плитку для своей комнаты.

И началась долгая, мучительная жизнь нелюбимой жены, не знающей, как найти подход к мужу и заслужить его любовь.

Вскоре Зоценко переехал в Дом искусств, расположенный в бывшем особняке миллионера Елисеева на углу Мойки и Невского. Здесь Михаилу Михайловичу, так же как и Осипу Манделштаму, Александру Грину, Владиславу Ходасевичу и другим бесприютным литераторам, еще в 1919 году выделили небольшие комнаты, в которых когда-то жила елисеевская прислуга.

О разводе речи не заходило:

- Это просто временная мера, пока ребенок не подрастет, не перестанет плакать и кричать.

Единственного сына Зоценко обожал. Правда, Верочка не могла простить мужу той неосторожности по отношению к ребенку, которую он однажды допустил. Умилно склонившись над младенческой кроваткой, куривший папиросу Михаил Михайлович, не заметил, как пепел упал на ручку ребенка и оставил ожог, а затем и рубец.

Вступая в брак с Верой, Зоценко четко обозначил: никакой зависимости, ни малейшего вмешательства в его жизнь. Друзья называли его романы «офицерскими» - за непродолжительность и некий цинизм.

- Глупенькая и пустая, но с необыкновенным темпераментом. Замечательная женщина! - говорил он об одной предприимчивой даме, которая подошла к нему на пляже и прямо заявила ему о своем намерении ему «отдаться».

Своих амурных походов Зоценко почти не скрывал, черпая в них адреналин и эндорфины, заставлявшие его больное сердце биться чаще.

Но женщины приходили и уходили, а Вера оставалась.

Будучи харизматичным красавцем и щеголем, Зоценко пользовался огромным успехом у женщин. Причем, он охотно бывал у своих любовниц в гостях, знакомился с их мужьями и даже с некоторыми дружил. Его идеал был таков: непременно с большим бюстом и обязательно замужняя.

Эта двойная жизнь так измучила писателя, что к сорока годам приступы хандры сделались совершенно невыносимыми, и он отправился к психиатру. Красивый

Юная Вера Кербиц-Кербицкая

худощавый мужчина уселся перед эскулапом и начал изливать душу: беспричинная тоска, раздражительность, необъяснимые приступы страха, потеря аппетита.

Врач осмотрел пациента - в СССР депрессии не было и быть не могло - и порекомендовал перед едой читать юмористические рассказы:

- Возьмите томик Зощенко, чудесно пишет, вот у кого надо учиться радоваться жизни.

Пациент вздохнул:

- Доктор, я и есть тот самый Зощенко.

Знал бы доктор, что друзья называли искрометного сатирика «глыбой мрака».

После этого визита Михаил Михайлович понял, что помочь себе может только он сам. Нашел специальную литературу по психиатрии и с карандашом, делая пометки, уселся читать. «Теория неврозов» Фрейда прямо указывала на то, что искать причины заболевания нужно в прошлом, то есть в детстве.

В их дворянской семье творчеством занимались все. Отец-художник делал мозаичные панно и писал картины в духе передвижничества, мать сочиняла рассказы для газеты «Копейка».

В его детстве родители часто ссорились. Мать частенько обижалась на отца. Маленький Миша не понимал ровным счетом ничего, пока старшая сестра ему не сказала:

- Наш папа очень нравится женщинам и они сходят с ума по нему, а мама ревнует его и расстраивается.

Елена Осиповна Зощенко, урожденная Сурина, бывшая актриса, театрально заломила руки:

- Дети, ваш отец никого не любит. Мне не достучаться до его сердца. Оно закрыто для меня!

Миша испуганно спросил:

- А мое, мое сердце - оно открыто?

- Ты так похож на своего отца. Ты тоже никого не будешь любить! И это большое несчастье.

Ребенок чуть не расплакался: он будет любить, и его будут любить!

Надя Русанова - его первая гимназическая любовь. Это к ней он мчался в Петроград, когда встретил Веру. Свидания, робкие поцелуи, объятия в синематографе. Он хотел жениться на Наде, но началась Первая мировая война. Уйдя на фронт, он не писал ей, потому, что все происходившее с ним на войне просто не могло сосуществовать в одном мире с воздушной Наденькой, ее надушенными письмами, завитыми локонами и наивной прелестью.

Надя же это расценила как отставку и обручилась с женихом, которого ей нашел отец-генерал. Когда Михаил вернулся, то узнал, что Надя вышла замуж и недавно стала матерью. Его сердце забило гулко и тревожно: никогда уже больше не вернется то, что было между ними в этой довоенной жизни, все то чистейшее, нежнейшее, бурное, полудетское, все эти вихри страсти и трепета. Все прошло...

А в их отношениях с Верой не так хватало тепла и нежности. Страсть из их отношений быстро ушла. Зощенко все время что-то искал в жене и никак не находил. И не находя, платил за свои обманутые надежды обидной замкнутостью и ледяным холодом.

Вера жалела его и писала спустя некоторое время:

«Мой бедный мальчик! Он так плохо себя чувствует все время! Больное сердце. Слабые легкие! А работать приходится много, слишком много, не жалея себя, не щадя своих сил».

Михаил приходил в их с Верой общий дом, отсчитывал деньги на ведение хозяйства, играл с сыном, обедал, приносил рукописи для перепечатывания, забирал чистую одежду и уходил. Скандалов мудрая Вера не закатывала: гордость не позволяла.

И тут за Верой решил приударить пролетарский поэт Василий Князев. В их дом Князева привел сам Зощенко. Когда Василий стал трубить на каждом углу, как он влюблен в Веру, Михаил словно опомнился и вернулся.

А потом молодость взяла свое: Вера сама влюбилась - око за око. Ее избранником стал коммунист Николай Авдашев, занимавший солидный партийный пост. Между ними началась связь, которую Вера Владимировна назовет своей самой большой ошибкой в жизни. Ее имя будет трепаться годами: вертихвостка, пустышка, мешанка - при муже-гении.

Несмотря на это, пара все же оставалась вместе.

Сразу после начала Великой Отечественной войны 47-летний Зощенко идет в военкомат и подает заявление с просьбой отправить его на фронт, как имеющего боевой опыт, но получает отказ: «К военной службе не годен. Причина: заболевание сердца».

Зощенко с первых дней войны поступает в группу противопожарной обороны и вместе с сыном дежурит на крыше дома во время бомбежек.

Их с Верой не смогла разлучить даже война, которую Михаил Михайлович переживал в эвакуации в Казахстане, а Вера

Владимировна - в блокадном Ленинграде. Уехать с мужем она не смогла и не захотела: боялась оставить двадцатилетнего сына Валерия, которого вот-вот должны были отправить на фронт.

А муж в эвакуации начал жить с Лидией Чаловой, редактором и давней подругой. Но семью не забывал, регулярно присылал денежные переводы и письма.

В апреле 1944 года супруги, наконец, увиделись снова.

Зощенко уехал из Ленинграда всенародно любимым писателем-орденоносцем, а возвратился гонимым и приниженым. Его автобиографическая повесть «Перед восходом солнца», написанная в

эвакуации и начавшая выходить частями в журнале «Октябрь», была названа в Постановлении ЦК политически вредной и антихудожественной и из-за начавшейся травли так и не была напечатана до конца.

Судьба готовила Зощенко новый удар: августе 1946 года вышло постановление, где антисоветским пасквилем был назван рассказ Зощенко для детей «Приключения обезьяны». Через две недели его исключили из Союза писателей СССР. Договоры с Михаилом Михайловичем расторгли все издательства.

Окончание на с. 10

Серапионовы братья. 1920-е годы

Вера Кербиц-Кербицкая

Окончание. Начало на с.9

Друзья отвернулись, некоторые даже писали ему «Миша, верни мне мою фотографию». Остались самые верные - Каверины и Слонимские. Через Веру Владимировну они передавали деньги. Самому Зоценко опасались предлагать помощь: из гордости он не взял бы. Он говорил:

- Я русский офицер, а не подонки. Подачек не беру.

Не желавший досаждать людям, опальный Зоценко переходил на другую сторону улицы при появлении друзей: стеснялся ставить их в неловкое положение.

Выручал в то время антиквариат, который скупала Вера в тридцатые: старинные вазы, картины и статуэтки превращались в продукты. Большую квартиру пришлось разменять, уж больно высокой была за нее плата. Получились две маленькие квартирки: супругам Зоценко и женившемуся сыну. Зоценко вырезал стельки на продажу, благо научился этому ремеслу в юности.

Выпавшие на их долю испытания еще больше отдалили Веру Владимировну и Михаила Михайловича. Постаревшая и подурневшая Вера не могла не замечать, что к по-прежнему красивому мужу неровно дышат женщины: то соседка принесет горячий обед, то какая-нибудь восторженная поклонница попросит встречи.

Зоценко даже что-то умудрялся публиковать, изредка выходили переиздания старых книг. Он начал заниматься переводами, потому что они печатались без подписи. Чуть позже Михаил Михайлович

по заказу писал сатирические миниатюры для эстрады, в том числе для Аркадия Райкина.

Удивительно, но в доме Михаила Михайловича и Веры Владимировны нашли приют не только осиротевшая в войну племянница Веры, но и дети репрессированного вместе с женой Николая Авдашева.

Михаил Михайлович все время работал и оставался кормильцем большой семьи.

В августе 1957 года супруги отметили сорок лет со дня знакомства. В декабре этого же года в Ленинград приехала погостить из эмиграции первая любовь Зоценко - Надя Русанова. Через свою сестру она разыскала Михаила. Супруги были приглашены в гости, но Вера отмахнулась:

- Иди один!

Михаил Михайлович побрился, надел свой самый лучший костюм и с трепетом в сердце отправился на свидание с первым чувством.

О том, что произошло в гостях, доподлинно неизвестно. Но Вера удовлетворенно записала в тот вечер в дневнике:

«Сказал, что Надька его раздражает».

Заметив, что муж иногда путает слова: вместо снотворного средства - люминала, он попросил линолеума, Вера сжалась и запретила близким поправлять его. Он - в порядке. Это просто усталость! Как всегда, когда Мише становилось трудно, Вера встала стражем возле него, отводя от его головы настоящие и мнимые неприятности.

Двадцать второго июля 1958 года на даче в Сестрорецке Михаила Зоценко

не стало. Умирая на руках у Веры, он был спокоен:

- Верочка, мне, наконец, назначили пенсию. Половину будешь получать ты после моей смерти.

В просьбе похоронить Зоценко на знаменитом кладбище «Литераторские мостки» власти Вере Владимировне отказали, и он нашел последний приют в Сестрорецке.

После его смерти Вера сделает все возможное, для сохранения, а потом и издания его трудов. И, конечно же, победит всех соперниц. Только в дневнике своем напишет:

«И прожили мы с ним целую жизнь, 41 год. А была ли это любовь? Не знаю».

Вера Владимировна скончалась в 1981 году. Валерий Зоценко стал театральным критиком. Своего сына он назвал Михаилом, в честь отца. Михаил Валерьевич Зоценко выбрал военную карьеру. Правнучку писателя зовут Вера и она актриса.

ТОЛЬКО ФАКТЫ

ДЕТСТВО

Мать Миши, бывшая актриса, к тому времени писала короткие рассказы о жизни бедняков, а отец работал художником в журнале «Нива» и делал на заказ мозаики. Он создал мозаичное панно «Отъезд Суворова из села Кончаковского в поход 1799 года» на стене Суворовского музея.

У Миши было пять сестёр и два брата. Когда ему исполнилось 13, отец скончался, и мать в одиночку воспитывала вось-

мерых детей, постоянно выбивая льготы и выплаты.

Сестра Лена на четыре года старше Миши, была самой веселой, энергичной, авантюрной. На протяжении всей жизни они были близки, и именно их проделкам посвящён знаменитый сборник «Лёля и Минька».

Зоценко учился плохо. Педагоги считали его рассеянным и жаловались, что он сидит за партой так, будто происходящее в классе на уроке его не касается. С семи лет он начал писать стихи, а позже рассказы, явно копируя стиль письма своей матери, которая печаталась в ежедневной газете «Копейка».

Но упражнения в писании не помогли на выпускном экзамене. За сочинение Зоценко поставили кол. Он почувствовал ужасную злость на учителей и на весь мир и решил прямо в гимназии демонстративно отравиться сулемой - хлоридом ртути. К счастью, его спасли медики. А пока он был в больнице, мама написала прошение в Министерство просвещения с просьбой разрешить сыну в случае выздоровления переписать сочинение.

НЕПОСЕДА

Михаил Зоценко в 1950-е годы

В сентябре 1913-го, переписав сочинение и окончив гимназию, Миша поступил на юрфак Санкт-Петербургского университета, но уже к апрелю был отчислен за неуплату.

20-летний Зоценко пошёл было работать, чтобы иметь возможность платить за обучение, но началась Первая мировая, и он отправился на ускоренные военные курсы. Через 4 месяца его зачислили в гренадерский полк Кавказской дивизии.

На фронте Зоценко дослужился до штабс-капитана, получил пять орденов, одно ранение и попал под газовую атаку. После отравления газом в феврале 1917 года у него обострился порок сердца, и Михаил был отчислен в резерв.

В начале 1919 года, несмотря на освобождение от службы, он добровольно поступил в действующую часть Красной армии. Служил полковым адъютантом, участвовал в боях под Нарвой и Ямбургом, а уже в апреле вновь пережил сердечный приступ, и был демобилизован. Но даже после этого пытался остаться в армии, и какое-то время служил телефонистом у пограничников.

В последующие годы Зоценко сменил множество мест работы. В повести «Перед восходом солнца» он писал:

«Я уехал в Архангельск. Потом на Ледовитый океан в Мезень. Потом вернулся в Петроград. Уехал в Новгород, во Псков. Затем в Смоленскую губернию, в город Красный. Снова вернулся в Петроград.

Я был милиционером, счетоводом, сапожником, инструктором по птицеводству, телефонистом пограничной охраны, агентом уголовного розыска, секретарём суда, делопроизводителем.

Это было не твёрдое шествие по жизни, это было замешательство.

ПОПУЛЯРНОСТЬ

Оставив военную службу, с 1920 по 1922 год Зоценко работал в Петербурге и посещал литературную студию при издательстве «Всемирная литература», которой руководил Корней Чуковский.

Он начал издаваться и стал лидером литературной группы «Серапионовы братья». Его сатирические рассказы, высмеивающие быт и нравы обывателей, быстро принесли начинающему писателю

Вера Кербиц-Кербицкая (Зоценко) с сыном Валерой

успех. В 1920–30-е годы книги Зощенко издавались и переиздавались огромными тиражами, а сам он ездил с выступлениями по всей стране.

В 1939 году его наградили орденом Трудового Красного Знамени.

Некоторые рассказы Зощенко были переведены и изданы на немецком языке в сборнике «Спи скорее, товарищ» («Schlaf schneller, Genosse!»), который, согласно воспоминаниям Альфреда Розенберга, Геббельса и Альберта Шпеера, в 1940-х годах так сильно понравился Гитлеру, что он вспоминал его и цитировал на протяжении нескольких месяцев.

Шпеер писал:

«Гитлер пересказывал отрывки, пока не начинал задыхаться от смеха. Борман получил приказ послать шофера в Мюнхен и для каждого из нас купить по книге. Я так и не узнал, что ему больше нравилось: юмор Зощенко или его критика Советского Союза.

САМОАНАЛИЗ

Когда началась Великая Отечественная, Зощенко немедленно отправился в военкомат и подал заявление с просьбой отправить его на фронт. Но по состоянию здоровья ни к какой службе он уже не был годен.

Получив отказ, он вступил в группу противопожарной обороны и дежурил на крыше во время бомбёжек. Он писал антифашистские фельетоны и вместе с Евгением Шварцем создал пьесу о взятии Берлина советскими войсками «Под липами Берлина», которую давали в блокадном Ленинграде.

В сентябре 1941 года Зощенко в приказном порядке эвакуировали сначала в Москву, а после в Алма-Ату. Там он работал в сценарном отделе «Мосфильма», где принимал участие в создании картин «Солдатское счастье» и «Опавшие листья».

В эвакуации Зощенко работал над автобиографической книгой «Перед восходом солнца». По собственному признанию, он надеялся в процессе понять, как он стал таким, каким стал, и когда в нём появилось нежелание жить. Опираясь на теорию условных рефлексов Павлова и психоанализ Фрейда, он рассуждал, как победить меланхолию, страхи и избавиться от душевных слабостей.

Журнал «Октябрь» опубликовал первые главы «Перед восходом солнца», после чего книгу запретили.

ПРЕДАТЕЛЬ

В апреле 1946 года Зощенко в числе других писателей был награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов».

Но через три месяца вдруг оказалось, что «окопавшийся в тылу Зощенко ничем не помог советскому народу в борьбе против немецких захватчиков». Секретарь ЦК ВКП (б) товарищ Жданов выступил с разгромным докладом, посвящённым творчеству Зощенко и Ахматовой.

Михаила Михайловича и Анну Андреевну исключили из Союза писателей, перестали печатать, не упоминали в прессе, многие друзья от них отвернулись.

После этого Зощенко зарабатывал на жизнь ремонтом обуви и переводами для Госиздата Карело-Финской ССР, однако даже в качестве переводчика его имя указывать было нельзя.

Обратно в Союз писателей Зощенко приняли уже после смерти Сталина, но через год в организации вновь возник конфликт. Зощенко и Ахматову пригласили на встречу со студентами из Англии, на которой писатель заявил, что не считает себя виновным перед советским народом, и упомянул свои боевые награды.

После того как писатель публично не согласился с постановлением ЦК, началась вторая волна травли, из-за которой на оформление пенсионного удостоверения у него ушло целых три года. А спустя две недели после получения пенсионной книжки 63-летний Зощенко умер на даче от острой сердечной недостаточности.

Друзья хотели похоронить писателя на «Литераторских мостках» Волковского кладбища, но власти не дали разрешения.

